

УДК 327

DOI: 10.31857/S268667300011808-8

Единственный в своём роде (130 лет со дня рождения Д. Эйзенхауэра)

С.Л. Печуров

*Научно-исследовательская организация МО РФ
Российская Федерация, 101000 Москва, ул. Знаменка, 10
Статья поступила 15.06.2020.*

Резюме: Изучив множество работ по теме амбиций американского генералитета в отношении президентской власти, автор размышляет над комплексом проблем, связанных с рождением американского общества, роли в его становлении гражданско-военных отношений и о судьбе 34-го президента США (1953–1961), полководца и героя Второй мировой войны генерала Дуайта Дэвида Эйзенхауэра (1890–1969).

Ключевые слова: гражданско-военные отношения, гражданский контроль, Первая мировая война, Вторая мировая война, генералы, Дж. Маршалл, Д. Эйзенхауэр, президент, компетенция

Для цитирования: Печуров С.Л. Единственный в своём роде (130 лет со дня рождения Д. Эйзенхауэра) *США & Канада: экономика, политика, культура* 2020; 50 (10) 89-103. DOI: 10.31857/S268667300011808-8

One of a Kind (130 Years after the Birth of Dwight Eisenhower)

Sergei L. Pechurov

*Research Organization of the RF Defence Ministry,
10, Znamenska, Moscow 101000, Russian Federation
Received 15.06.2020.*

Abstract: Having analyzed a number of works on the subject of American generals dreams over presidential authority the author reflects on several problems connected with formation and development of the American society, the role of civil-military relations in it and the life (fate) of Dwight David Eisenhower, general, commander, 34th U.S. president.

Keywords: civil-military relations, civil control, WW I, WW II, generals, G. Marshall, D. Eisenhower, president, competence

For citation: Pechurov S.L. One of a Kind (130 Years from the Birth of Dwight Eisenhower). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture* 2020; 50 (10) 89-103. DOI: 10.31857/S268667300011808-8

ВВЕДЕНИЕ

Почти за два с половиной века существования Соединённых Штатов Америки в качестве независимого государства всего десять президентов из 45 были выходцами из высших слоёв национального военного истеблишмента, то есть в

прошлом носили генеральские погоны. А в XX веке и за 20 лет XXI века Д. Эйзенхауэр был единственным профессиональным военным, выигравшим кресло президента США.

Военной профессией он овладевал многие годы: в 1915 г. окончил академию Уэст-Пойнт, в 1926 – Командно-штабную школу сухопутных войск, а в 1928 г. – ещё и Высшее военное училище сухопутных войск. В 1932 –1938 гг. Эйзенхауэр служил под началом генерала Дугласа Макатура сначала на Филиппинах, а потом в Вашингтоне. После вступления США во Вторую мировую войну генерал получает первое командное назначение на пост Верховного главнокомандующего союзных войск в Северной Африке (1942-1943), а в 1944 г. становится Верховным главнокомандующим союзников в Европе, блестяще проведя операцию по высадке англо-американского десанта в Нормандии, положившей начало Второму фронту против гитлеровской Германии. После её капитуляции он некоторое время командует американскими оккупационными войсками, а в 1945-1948 гг. вернувшись в США, возглавляет Комитет начальников штабов (КНШ) – второе по значению ведомство в американской иерархии руководства вооружёнными силами. В 1948 г. генерала выбирают президентом Колумбийского университета в Нью-Йорке, но уже в 1950 г. он – Верховный главнокомандующий вооружёнными силами НАТО в Европе. Это был последний военный пост генерала Эйзенхауэра. В 1952 г. он побеждает на выборах президента США, и впервые с 1889 г., после Бенджамина Харрисона (23-й президент США, 1889-1893), Белый дом занимает генерал.

На первый взгляд это выглядит странным, особенно с учётом явно милитаристского характера внешней политики Вашингтона, по крайней мере в последние десятилетия. Однако реальность такова, и для этого существуют свои причины, скрывающиеся в исторических особенностях формирования американского общества.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ НЕСОВМЕСТИМОСТЬ

Бесспорный авторитет в области истории США профессор Сэмюэл Хантингтон в своё объёмном труде, посвящённом взаимоотношению гражданских и военных в американском обществе, подчёркивал, что либерализм всегда был доминирующей идеологией в США и пацифистское течение в американской мысли имело весьма сильные позиции. И это неудивительно, поскольку, как указывает другой американский аналитик, Артур Экирх, «организованный пацифизм <...> обычно является движением среднего класса, и США как типичная страна среднего класса не могла не разделять его ценностей» [цит. по: Huntington S. 1957: 150-151].

В годы Войны за независимость (1775–1783), например, американцы однозначно ассоциировали людей в форме с британскими колонизаторами, что впоследствии на долгие годы закрепились в их исторической памяти как негатив-

ный образ профессиональных угнетателей. Ещё один авторитетный американский историк, Диксон Уэктор подчёркивал, что далеко не случайно все великие национальные герои Соединённых Штатов, за исключением, может быть, первого президента Джорджа Вашингтона, были либералами, а профессиональные военные, соответственно, не вызывали симпатий [см. Huntington S. 1957: 158].

Обычно американцы, избравшие профессию военного, осознавали, что тем самым они обрекали себя на безвестность и, за редким исключением, лишали себя возможности в дальнейшем служить обществу на выборных должностях. Особенно это касалось морских офицеров, в силу специфики своей службы вынужденных существовать в ещё большем отрыве от общества, чем их сухопутные коллеги. Неслучайно отмечалось в популярном военно-морском издании середины XX века, что «за прошедшие полтора столетия (к тому периоду) всего лишь порядка двенадцати бывших военно-морских офицеров были избраны в Конгресс» [U.S. Naval Institute Proceedings. 1951: 339-1340].

Насущные задачи восстановления экономики страны после нескольких лет разрушительной Гражданской войны (1861–1865), а также убеждённость американцев в том, что их стране никто не угрожает извне, вообще отодвинули военных на задний план. В обществе стала превалировать идеология так называемого бизнесовского пацифизма, олицетворявшего бурную активность предпринимателей, напрочь отвергавших какие-либо «затратные идеи» относительно укрепления обороноспособности страны. Военные в этих условиях ещё более отделились от остального общества. Им претил дух коммерции, охвативший обывателей. Как отмечает в своём исследовании С. Хантингтон, офицеры были по-настоящему разочарованы настроениями всеобщей коммерциализации, царящими в Конгрессе, что якобы в корне противоречило воинской дисциплине и офицерской этике. А руководство Военной академии Уэст-Пойнт даже предприняло меры по изоляции кадетов от превалирующей в стране «атмосферы торгашества» [Huntington S. 1957: 268]. В этих условиях небольшие гарнизоны, разбросанные вдоль северной и южной границ страны, жили своей жизнью, периодически вовлекаясь лишь в стычки с индейцами или с доставлявшими им «определённые неудобства» мексиканцами. Таким образом, изоляция и отверженность стали типичными для офицерского корпуса сокращённых до самого минимума вооружённых сил США.

ПОЛКОВОДЧЕСКИЙ КУЛЬТ

И всё же у американцев, как и у населения других стран, существовал культ полководцев-победителей. Этим, кстати, воспользовался герой Гражданской войны генерал армии победивших северян Улисс Грант, избранный президентом страны от Республиканской партии (1869–1877). Но он показал себя слабым руководителем государства, не сумевшим обуздать беспрецедентные воровство

и коррупцию. Другими словами, гражданская должность национального лидера оказалась ему явно не по плечу.

Ещё один полководец-победитель Джон Дьюи, ставший первым в истории США «полным адмиралом» в знак признательности его заслуг в Американо-Испанской войне 1898 г. Он попытался на этой волне выиграть президентские выборы, но оказался малоубедительным для избирателей. В частности, его высказывание о том, что «президентом быть достаточно просто: нужно всего лишь исполнять волю Конгресса, вызвало, мягко говоря, шок у американского обывателя» [Human Sidney. 1954: 211]. К тому же он выбрал явно неудачное время для избирательной гонки – разгул пацифизма как следствие недавно закончившейся Первой мировой войны.

В аналогичной ситуации в тот же период оказался и претендент на президентство от Республиканской партии генерал Леонард Вуд, занимавший в 1910–1914 гг. должность начальника штаба сухопутных войск. Но и его «прокатили», не оценив рвения по наращиванию военного потенциала страны. Примечательно, что «более заслуженный» генерал Джон Першинг, командовавший Американскими экспедиционными силами в Европе в годы Первой мировой войны, правильно уловил подъём антивоенных настроений в стране и не стал искушать судьбу, отказавшись от президентских амбиций.

Между тем в истории США, даже в период «застоя» последней трети XIX века, были яркие личности и среди генералитета, которые, несомненно, могли бы проявить себя в качестве деятелей государственного масштаба, если бы, как тогда говорили, появились на свет в иную эпоху. К ним как потенциальным государственным деятелям (а не только неординарным военным реформаторам-теоретикам вроде отца Элфреда и сына Альберта Мэхэнов) С. Хантингтон относит также адмирала Стефана Льюиса, генералов Эмори Эптона и особенно Уильяма Шермана. Последний якобы мог без особых усилий даже претендовать на значимую роль на государственном поприще, но демонстративно придерживался нейтральной линии в политике.

ВОЕННЫЕ «В УЗДЕ»

Вообще американское общество с самого начала, то есть с первых дней независимого (от бывшей метрополии) существования, было выстроено таким образом, чтобы «держат военный в узде». Отцы-основатели, разрабатывавшие Конституцию США, исходили из того, что если президент будет единолично руководить национальными вооружёнными силами, то это сможет позволить ему сформировать угрозу законодательной власти в лице Конгресса. Поэтому полномочия главы государства в области руководства военной машиной были ограничены, что выразилось в известной формуле «гражданского контроля» над вооружёнными силами. При этом допускались ситуации, когда президент мог выступить в качестве полководца. Такое допущение было основано на успешном

опыте руководства вооружённой милицией со стороны будущего президента Джорджа Вашингтона. Правда, все последующие попытки глав государства вмешиваться в непосредственное управление войсками «в поле» были менее удачными. Так, например, президент Джеймс Мэдисон «прославился» провальным руководством обороной столицы в 1814 г. в ходе так называемой Второй войны за независимость. Одиннадцатый президент США Джеймс Полк во время Американо-Мексиканской войны (1846–1848) неоднократно пытался вмешаться в руководство войсками, но был «своевременно и умело ограничен в полководческих поползновениях», хотя позже он и хвастался своим прямым участием в разработке «стратегии победоносной войны» [Huntington S. 1957: 185]. Пожалуй, последним примером непосредственного управления войсками на поле боя со стороны президента было личное участие Авраама Линкольна в выборе направления удара армии северян весной 1862 г., но после этого ему хватило ума доверить армию профессионалам. В последующем, даже если глава американского государства и имел определённый военный и даже боевой опыт, он никогда не позволял себе «опускаться» до уровня непосредственного руководства войсками. Вспомним хотя бы Джона Кеннеди и Джорджа Буша-старшего.

По американскому законодательству президент страны является главнокомандующим вооружёнными силами, но, по словам С. Хантингтона, с известным «усложнением», формируемым отношениями в треугольнике президент – министр обороны – председатель Комитета начальников штабов [Huntington S. 1957: 186]. Если председатель КНШ – «чистый» военный, министр обороны – гражданское лицо, то президент как бы воплощает в себе две функции – военного и гражданского. И хотя американцы кичатся собственной якобы оригинальностью, на самом деле без зазрения совести копируют многие вещи у своих же бывших «угнетателей» – британцев.

Так, в 1794–1870 гг. в Великобритании военное ведомство (по сути, министерство) занималось вопросами обеспечения жизнедеятельности вооружённых сил, не вмешиваясь в дела руководства ими в ходе ведения военных действий. Этим первоначально от имени главы правительства занимался военный чиновник – главком. Но с 1870 г. по настоянию премьер-министра и этот чиновник в погонах был подчинён государственному военному секретарю, то есть гражданскому министру. В 1895 г. должность главкома вообще была упразднена и взамен неё был введён пост начальника Имперского генерального штаба, замыкающего свои функции на главу правительства. Таким образом, хотя британский премьер-министр формально и не имеет каких-либо обязанностей по руководству войсками, его контроль над вооружёнными силами реально является даже более жёстким и эффективным, чем у американского президента [Huntington S. 1957: 190].

НЕСОВПАДЕНИЕ МОРАЛИ

Между тем короткий период единения гражданской (либеральной) и военной (консервативной) морали в американском обществе как реакция на военные приготовления и участие США в Первой мировой войне уже к началу 20-х годов XX столетия быстро завершился. Одновременно сошли со сцены и прославившиеся в её ходе военные руководители, а с ними вновь померк авторитет генералитета, да и профессия военного в целом. Такой видный деятель американской истории как Джордж Маршалл (1880–1959), занимавший в разные годы посты и начальника штаба Армии США, и государственного секретаря, и министра обороны, вспоминая обстановку в стране в конце 1920-х годов, отмечал, в частности, что даже мнение заслуженного генерала Джона Першинга относительно развития национальных вооружённых сил открыто и демонстративно игнорировалось членами Конгресса США и это «причиняло ему моральные страдания» [Иванов Р.Ф. 2005: 604]. Вновь стала доминировать идеология коммерциализации, окрашенная пацифизмом всех мастей. Ярким примером этому стала травля начальника штаба сухопутных войск генерала Чарлза Саммерола, когда он в конце 1920-х годов выступил с требованием наращивания оборонных приготовлений перед лицом очевидно надвигающейся опасности войны, при этом наивно надеясь на поддержку общественности [Huntington S. 1957: 287].

Всё это свидетельствовало о несовпадении морали военных и гражданских лиц в рамках, казалось бы, единого американского общества, в очередной раз начавшего склоняться к изоляционизму на мировой арене. И даже уже осязаемое нарастание международной напряжённости в середине 1930-х годов поначалу не находило должного ответа в предпринимательской среде и не побуждало её представителей делать бизнес на военных приготовлениях. Лишь осознание в самом конце десятилетия политическим истеблишментом США весьма высокой вероятности втягивания страны в грядущие катаклизмы мирового масштаба побудило его к пересмотру не только внешнеполитического курса, но и к переоценке роли своих военных и их вклада в обеспечение успеха в начавшихся в различных концах света кровопролитных конфликтах, время от времени затрагивающих интересы Соединённых Штатов.

ВОЗРОЖДЕНИЕ АВТОРИТЕТА

Но американский бизнес, следует признать, достаточно быстро приспособился к новым условиям и переориентировался на удовлетворение всё возrastавших нужд как своих вооружённых сил, так и союзнических. Этого нельзя было сказать об организации военного управления. Созданный ещё в 1903 г. коллегиальный орган, включавший руководителей видов вооружённых сил, призванный управлять войсками, но под жёстким гражданским контролем,

продолжал функционировать в прежнем режиме, как будто страна не перешла на рельсы подготовки к войне. И лишь через некоторое время, опять же по образцу заокеанского англосаксонского «брата», этот аморфный орган был преобразован в Комитет начальников штабов (КНШ), включавший высших военных чинов сухопутных войск, ВМС и военно-воздушных сил, функционировавших в те годы в качестве рода сухопутных войск (СВ). Почти сразу на должность руководителя (председателя) Комитета был поставлен начальник штаба верховного главнокомандующего, то есть президента Франклина Рузвельта. Функции этого начальника штаба всю войну исполнял «человек президента» адмирал Уильям Лихи, что недвусмысленно должно было подчёркивать зависимость данного органа управления войсками от воли главы государства и одновременно обозначать пресловутый «гражданский контроль» над военной машиной страны.

Президент Ф. Рузвельт, считая себя знатоком военного дела, первое время не раз давал понять, что разбирается в военной стратегии не хуже военачальников. И только после трагедии Пёрл-Харбора в декабре 1941 г. и ознакомления с мерами, принятыми военным руководством для наведения порядка в войсках, особенно с жёсткими методами начальника штаба сухопутных войск генерала Дж. Маршалла, Рузвельт полностью доверился своему генералитету. Якобы для повышения эффективности и оперативности управления вооружёнными силами по его решению из цепочки руководства ВС со временем были даже исключены «лишние инстанции», то есть высшие гражданские чиновники – министр армии (СВ) Генри Стимсон и министр ВМС Филандер Нокс.

Зато командующие на Европейском и Тихоокеанском театрах войны генералы Дуайт Эйзенхауэр и Дуглас Макартур были максимально приближены к президенту, формально приравнены по своему статусу к членам КНШ, а фактически даже превосходили их по своей значимости. В этом заключалось отличие сложившейся в ходе войны американской системы управления вооружёнными силами от британской. Формально по содержанию и внешне они были схожи, но в действительности особенностью американского аналога было то, что военным руководителям предоставлялось больше свободы действий, в том числе в политической области и даже в экономике, включая контакты с промышленностью. Например, американские военные, пишет С. Хантингтон, могли позволить себе высказать своё несогласие с курсом гражданского руководства страны на вовлечение вооружённых сил в военные действия одновременно на двух театрах войны или пойти на такой беспрецедентный шаг, как «подсказать» президенту «не позволять втягивать страну в политические интриги Лондона». О подобном, разумеется, британские коллеги как бы даже не могли и мечтать [Huntington S. 1957: 330]. С другой стороны, подчёркивает другой известный американский историк, Роберт Шервуд, президент Рузвельт

мог в приватной обстановке выслушать иное мнение своих генералов, будучи абсолютно уверенным, что всё равно они точно выполняют его указания [Sherwood R.E. 1948:].

И всё же влияние генералитета во время войны и особенно на её завершающем этапе заметно выросло. В его среде возникли идеи относительно более существенной роли военного истеблишмента страны, которую он должен будет играть в послевоенный период. Даже безоговорочный исполнитель воли президента Рузвельта и его фактический ставленник в генеральских кругах адмирал Лихи с удовлетворением подчёркивал факт сложившегося к концу войны скоординированного мнения генералитета относительно того, что КНШ должен продолжать функционировать как орган, ответственный только перед главой государства как верховного главнокомандующего, и формулировать для него (и за него!?) предложения по всем военным вопросам, включая формирование статей оборонного бюджета [Иванов Р.Ф. 2005: 521].

РОСТ ВЛИЯНИЯ

В отличие от всех предыдущих так называемых поствоенных периодов в истории США первая декада после окончания Второй мировой войны была ознаменована возрастающим авторитетом в жизни страны военных, и они стремились широко использовать своё влияние как в политических, так и в предпринимательских кругах. Большое количество уволенных военных, особенно с техническим образованием и занимавших руководящие должности в соответствующих технических службах и родах войск, нашли себе работу в конторах и бюро, являвшихся частью или обслуживающих различные промышленные фирмы и компании. Их командный и административный опыт в те годы был весьма востребован. Заслуженные в прошлом генералы и адмиралы приглашались на высокие посты в процветающие корпорации, придавая им дополнительный лоск. Так, генерал Дуглас Макартур ушёл в «Ремингтон-Рэнд», генерал Беделл Смит (в прошлом начштаба Эйзенхауэра) – в «Америкен мэшинз энд фаундери», генерал Омар Брэдли – в «Бюлова» и т.п. Значительное количество генералов и адмиралов буквально растворились среди множества компаний и корпораций, заняв довольно высокие посты их президентов, вице-президентов, председателей, гендиректоров и просто директоров. По опросу общественного мнения в те годы, такие шаги бывших военных в позитивном плане влияли на имидж местного бизнеса.

Сменивший в апреле 1945 г. Ф. Рузвельта на посту президента США Гарри Трумэн и его администрация уловили настроения в обществе и первоначально любыми способами стали привлекать на государственную службу отставников, получивших известность в годы войны. Им предлагали различные должности, где они могли применить свои управленческие навыки, например, в качестве гражданских руководителей оккупационных администраций. Особенно выиг-

рышным для Трумэна оказалось назначение авторитетного в прошлом генерала Джорджа Маршалла сначала своим личным представителем в проблемном Китае, затем государственным секретарем и позже – министром обороны. Поощряемая президентом кампания по вовлечению бывших военных в государственные организации на руководящие посты встретила сначала скрытый ропот, а затем и открытое недовольство со стороны законодателей, резонно озаботившихся ростом «милитаристских настроений» в обществе.

Некоторые наблюдатели даже находили связь между «поправением» внешнеполитического курса США в первые послевоенные годы с приходом в Государственный департамент «толпы бывших генералов и офицеров» [Huntington S. 1957: 361]. Законодателей стали откровенно раздражать претензии военных на формирование внешнеполитического курса страны. Так, влиятельный сенатор У. Тафт публично заявил, что он «не приемлет, когда председатель КНШ выступает с речами о внешней политике». Считавшийся в Республиканской партии экспертом по внешнеполитическим вопросам Джон Фостер Даллес в ещё более резких выражениях раскритиковал вмешательство военных «не в свои дела» [4]. Через некоторое время и Трумэн осознал, что слишком «распустил» военных и попытался поставить их на место.

«КОРЕЙСКИЕ КОРРЕКТИВЫ»

Развязанная Корейская война (1950–1953) существенно поколебала начавшееся было складываться в американском обществе равновесие в гражданско-военных отношениях. В администрации Трумэна при полном консенсусе среди гражданских и подчинённых им военных руководителей относительно необходимости гибкости в проведении курса по урегулированию сложной ситуации вокруг затянувшегося конфликта поначалу явно недооценили настрой генералитета «в поле» на достижение победы любой ценой.

Изменчивое положение на фронте, постепенное прямое втягивание в конфликт на стороне северокорейцев коммунистического Китая с его неисчерпаемыми людскими ресурсами и поддержкой со стороны Советского Союза вынуждали Вашингтон беспрерывно наращивать численность американских войск в регионе, но затем заставили осознать, что такое развитие событий ведёт в тупик и чревато резким расширением военного конфликта. Трумэн начал зондировать пути выхода из данного состояния без, что называется, потери лица. Однако командующий коалиционной группировкой войск под флагом ООН в Корее, абсолютное большинство которой составляли американские формирования, генерал Дуглас Макартур высказал публично своё несогласие с президентом и призывал немедленно применить ядерное оружие по скоплению войск КНР вблизи корейской границы. Самое неприятное для Трумэна и его команды заключалось в том, что амбициозного командующего поддерживали практически все американ-

ские военачальники в Корею. Как позже писал популярный в военной среде генерал Марк Кларк, все командиры в регионе, с кем он обсуждал эту проблему независимо от того, как они относились к Макартуру, единогласно высказались за устранение со стороны правительства всех ограничений, которые лишают их победы [Marc W. Clark. 1954: 81]. Но президент Трумэн решил продемонстрировать свою власть и в начале 1951 г. отправил Макарура в отставку.

Возвращение генерала в Вашингтон практически совпало с начинавшимися поисками альтернативной политики на внешней и внутренней аренах и подбора приемлемого кандидата на президентский пост в кампании 1952 г. с учётом того, что у трумэнской администрации не оставалось шансов для предложения избирателям привлекательных перспектив.

Такой расклад в американском обществе и возрождение авторитета людей в военной форме или недавно её носивших не могли не стимулировать новую волну президентских амбиций среди них и тех в политических и бизнесовых кругах, кто вознамерился использовать это в своих интересах. Оставалось лишь выбрать претендента, на которого можно было сделать беспроигрышную ставку. Выбор претендентов постепенно сужался и наконец остановился на военных, бывших и всё ещё действовавших.

ДВЕ ТРАДИЦИИ

Один из знатоков послевоенной эпохи в США Харри Уильямс подметил наличие сложившихся к концу 1940-х годов в американском военном истеблишменте двух примерно равных по количеству членов неформальных лагерей, соответствующих двум так называемым американским военным традициям [Williams H. 1952: 32-39]. Первая, берущая начало в сформировавшейся ещё в конце XVIII – начале XIX века аристократической среде, была представлена хладнокровными, высокомерными и в то же время успешными военачальниками, типичным представителем которой был прославившийся в войне на Тихом океане генерал Дуглас Макартур («Мак», как его для краткости окрестили журналисты). Основу второй, более соответствующей либерально-бизнесовым устоям американского общества, представляли лёгкие на подъём, дружелюбные и открытые для контактов высшие офицеры, имевшие не меньшие военные заслуги, чем представители первой традиции. Их наиболее авторитетным и одновременно наиболее типичным представителем был герой войны в Европе генерал Дуайт Эйзенхауэр («Айк»). Представителям первой традиции было трудно ладить с гражданскими авторитетами, тогда как вторые, более гибкие и контактные, легко шли на компромиссы и беспроblemно взаимодействовали с гражданскими властями и, что не менее важно, с прессой.

Дуглас Макартур ещё в 1920-е и 1930-е годы был известен своим непростым, жёстким характером и в то же время как волевой, решительный командир, что, с одной стороны, способствовало быстрому профессиональному росту, а, с другой

– отдаляло его от коллег и в конце концов привело к разрыву с не менее способными, но более склонными к компромиссам военачальниками, такими как Джордж Маршалл и Дуайт Эйзенхауэр, ставшими впоследствии единомышленниками и друзьями. Некоторые наблюдатели даже высказывали подозрения, что эта дружба явилась одной из причин того, что начштаба сухопутных войск в годы войны Дж. Маршалл лично лоббировал военную кампанию США в Европе, где с 1943 г. Верховным главнокомандующим войсками союзников стал его друг и выдвиженец «Айк», получивший годом ранее чин «полного генерала» (*full general*), в ущерб Тихоокеанскому театру, где доминировал заносчивый «Мак» [Williams H. 1952: 369]. 6 июня 1944 г. генерал Дуайт Эйзенхауэр руководил высадкой десанта союзнических войск в Нормандии, открывшего Второй фронт против гитлеровской Германии в Европе, а через 11 месяцев, 2 мая 1945 г., принял капитуляцию немецких войск во Франции.

Памятник Д. Эйзенхауэру в г. Байё,
Франция.

Фото А.О. Аничкина

Дуглас Макартур стал довольно известной личностью в годы войны, к его словам и делам внимательно прислушивались и приглядывались в американских политических кругах ещё в ходе президентских кампаний 1944 и 1948 гг. Во время же кампании 1952 г. Мак сам решил взбудоражить общественность, предложив себя в кандидаты от Республиканской партии. Однако его противники, причём не только из стана демократов, но и однопартийцы-республиканцы,

предприняв контрмеры, попытались в том числе свалить на самого строптивного генерала неудачи корейской кампании.

Демократы раньше, чем их конкуренты-республиканцы обратили внимание на не менее авторитетного, но, в отличие от скандального Макартура, выдержанного и улыбчивого Эйзенхауэра. Возвратившись после войны в США, он занимал пост председателя КНШ (1945–1948), а после того как написал и опубликовал ставшую бестселлером книгу «Крестовый поход в Европу» (*Crusade in Europe*, 1948), был избран президентом престижного в академических кругах Колумбийского университета в Нью-Йорке. Г. Трумэн лично дважды посылал в Париж, где с 1950 г. в должности главковерха НАТО служил Айк, своего представителя Джозефа Дэвиса, чтобы убедить генерала баллотироваться в президенты США от Демократической партии. Но Эйзенхауэр, к тому времени уже окунувшийся в политику, что называется, с головой, ответил президенту, что не разделяет идеалов демократов [Иванов Р.Ф. 2005: 184].

СТАВКИ СДЕЛАНЫ

В начале 1952 г., поддавшись уговорам своих друзей-республиканцев, среди которых первую скрипку играл влиятельный сенатор Генри Кэбот Лодж, Д. Эйзенхауэр дал согласие баллотироваться в президенты от Республиканской партии. На её июльском съезде, где в качестве его главного противника выступил Д. Макартур, Айк одержал победу, которая была обусловлена в том числе его поддержкой со стороны крупного бизнеса, прежде всего таких промышленных гигантов, как «Форд» и «Дженерал моторс», а также групп Рокфеллеров и Морганов [1:34].

Один из главных вопросов, которые требовалось решить за оставшиеся до осенних выборов месяцы, касался войны в Корее. Эйзенхауэр, как и его коллеги-генералы, поначалу безоговорочно поддерживал «курс на победу любыми средствами». Но надо отдать должное ему и его штабу в том, что они вовремя осознали бесперспективность углубления конфликта, чего явно не желали даже ближайшие союзники Вашингтона. В одном из своих выступлений Айк несколько неожиданно для своих сторонников прямо заявил, что «Америка не настолько сильна, чтобы тащить на себе весь мир!» [Иванов Р.Ф. 2005: 200]. Несмотря на разгул маккартизма в стране и повсеместное преследование «левых пацифистов», чувствовалось, что американцы просто устали от череды войн и сделали крен в сторону завершения кровопролития. И эти настроения очень вовремя уловили Эйзенхауэр и его команда. Он клятвенно обещал стране добиться почётно́го мира, что потом и сделал. Корейский фактор и его умелое использование Айком, а также не забытая ещё в США кровопролитная для американцев кампания боевых действий в Нормандии в 1944 г., безусловно, явились главными причинами победы республиканцев на выборах 1952 г., где их кандидату Дуайту Д. Эйзенхауэру противостоял кандидат Демократиче-

ской партии весьма популярный в стране губернатор Иллинойса Эдлай Э. Стивенсон.

По мнению же Хантингтона, победа Эйзенхауэра была обеспечена тем, что ему удалось совместить две тенденции, превалировавшие в американском обществе той поры: бизнесовый либерализм и военный консерватизм, нейтрализованный престижем генерала – кандидата в президенты, то есть, другими словами, воссоединить внутреннюю и внешнюю политику. Если, например, Трумэн прежде пытался свои шаги на внутренней и внешней аренах прикрыть поддержкой авторитетных военных, то Эйзенхауэру этого не нужно было делать – он сам был авторитетом. В этой связи Хантингтон подсчитал, что в то время как председатель КНШ в 1949–1953 гг. генерал Омар Брэдли за два последних года службы в этой должности сделал около 60 публичных выступлений с разъяснениями в поддержку мер администрации Трумэна, то за такой же период своего председательства при Эйзенхауэре адмирал Артур Рэдфорд публично с теми же целями озвучивал свою поддержку курса президента почти в 2 раза реже [Huntington S. 1957: 392, 398].

На президентских выборах 1952 г. победу одержал выходец из генеральской среды – первый за 120 лет в истории США с конца XIX века. Вступив в январе 1953 г. в должность 34-го президента США, он, естественно, не мог обойти вниманием или пренебречь нуждами тех, среди кого он вырос как офицер и незаурядная личность, с кем вместе служил и воевал. Эйзенхауэру не нужно было делать дополнительных усилий, чтобы обеспечивать поддержку своего курса со стороны военных, их семей и ветеранов, составлявших в те годы весьма значительный процент избирателей. Такая поддержка была ему обеспечена на два президентских срока (1953–1961). И тем не менее, он демонстративно, особенно в первые годы своего президентства, уделял повышенное внимание военным, проводя в обязательном порядке, по крайней мере раз в неделю, длительные совещания и беседы с председателем КНШ, командующими и командирами всех степеней и званий [4]. По его инициативе и под влиянием его харизматической личности уже в его первый срок в Белом доме Конгресс США предпринял беспрецедентные шаги по оптимизации материального положения военнослужащих и ветеранов, облегчению продвижения по службе офицеров, улучшению бытовых условий их семей. Был также принят ряд законов и подзаконных актов, в значительной степени укрепивших авторитет военных и по крайней мере до войны во Вьетнаме в середине 1960-х годов, сделавших службу в американских вооружённых силах относительно комфортной и престижной, что многими американскими авторами связывалось именно с «президентом из генералов».

При нём была проведена реорганизация американского оборонного истеблишмента и значительно продвинута реализация противоракетной про-

граммы. На внешнеполитической арене администрация Эйзенхауэра заключила перемирие в Корейской войне, создала Управление по оказанию американской помощи развивающимся странам, подписала в 1954 г. военно-политический договор стран Юго-Восточной Азии, в результате которого был создан блок СЕАТО (просуществовал до 1977 г.). Сам президент Эйзенхауэр выступил инициатором создания режима «открытого неба», предполагавшего обмен военной информацией между СССР и США и её проверку путём взаимной аэрофотосъёмки национальных территорий. Переговоры по этому вопросу начались в 1955 г., но были прерваны на несколько десятилетий из-за инцидента с вторгшимся в советское воздушное пространство американским самолётом U-2. Только в 1992 г. многосторонний международный Договор об «открытом небе» был парафирован, а вступил в силу лишь в 2002 году.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение подчеркнём: Дуайт Эйзенхауэр был выдающимся военачальником и незаурядным президентом, единственным в своём роде военным профессионалом, ставшим высшим гражданским чином в США последних 120 лет, и единственным американцем, награждённым советским орденом «Победа» (этим орденом награждены всего 16 человек) за «выдающиеся успехи в проведении боевых операций большого масштаба, в результате которых была достигнута победа Объединённых Наций над гитлеровской Германией». Орден находится в Мемориальном музее Д. Эйзенхауэра в его родном городе Абилин, штат Канзас.

ИСТОЧНИКИ

1. АВП РФ Ф.0129. Оп.36 П.254 Д 10
2. Hearings before Senate Committee on Military Affairs. Congressional Records 1945. S.84
3. Hearings before House Committee on the Armed Services on Unification and Strategy. Congressional Records, 1949.
4. The New York Times. August 14, 1953.

ЛИТЕРАТУРА

Иванов Р.Ф. 2005. Эйзенхауэр: от солдата до президента. М.: Вече. 432 с.

REFERENCES

Harry Williams. 1952. The Macs and the Ikes: America's Two Military Traditions. *American Mercury*, LXXV, October p. 32-39.

Huntington S.P. 1957. The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations. The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, 534 p.

Hyman Sidney. 1954. The American President. New York: Harper & Brothers, 342 p.

Ivanov R. 2005. Eisenhower – from Soldier to President. Moscow: Veche. 432 p.

Marc W. Clark. 1954. From the Danube to the Yalu. New York City, Harper & Brothers, 369 p

Sherwood R.E. 1948. Roosevelt and Hopkins, an intimate history. New York: Harper & Brothers. 880 p

U.S. Naval Institute Proceedings. 1951. LXXVII, December.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПЕЧУРОВ Сергей Леонидович, генерал-майор запаса, доктор военных наук, профессор, НИО Вооружённых сил.

Российская Федерация, 191000 Москва, ул. Знаменка, 10.

Sergey L. PECHUROV, Major General (Reserve), Doctor of Sci. (Military), Research Organization of the RF Defence Ministry.

10 Znamenka, Moscow 101000, Russian Federation